

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/516/26

О значении субъективной обязанности должника в правовой конструкции гражданско-правового обязательства

Сергей Константинович Соломин^{1, 2}, Наталья Геннадьевна Соломина^{3, 4}

^{1, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

^{2, 4} Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

^{1, 2} sksolomin@mail.ru

^{3, 4} ngsolomina@mail.ru

Аннотация. Авторы подводят теоретическое обоснование под догматический подход к пониманию гражданско-правового обязательства. Доказывается, что гражданско-правовое обязательство может восприниматься исключительно в качестве простой правовой связи, в рамках которой первостепенное значение придается обязанности должника, что отражает глубокий смысл специфики перераспределения материальных благ между участниками гражданского оборота.

Ключевые слова: обязательство, должник, кредитор, субъективное право, субъективная обязанность, правовая связь, перевод долга, прощение долга

Для цитирования: Соломин С.К., Соломина Н.Г. О значении субъективной обязанности должника в правовой конструкции гражданско-правового обязательства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 237–246. doi: 10.17223/15617793/516/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/26

On the meaning of the subjective obligation of the debtor in the legal structure of a civil obligation

Sergey K. Solomin^{1, 2}, Natalya G. Solomina^{3, 4}

^{1, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

^{2, 4} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

^{1, 2} sksolomin@mail.ru

^{3, 4} ngsolomina@mail.ru

Abstract. The concept of an obligation changed with the development of society and the state: from a primitive perception of an obligation as a personal connection between a creditor and a debtor, when the power of the former extended to the personality of the debtor, to the perception of an obligation as a simple legal connection consisting of a subjective obligation and a corresponding subjective right. Despite the fact that the essence of an obligation is quite correctly reflected in positive law, it is not necessary to insist that the legislator managed to include all of its essential features in the definitive norm of an obligation. The purpose of this work is to understand the essence of an obligation through the prism of studying the legal connection between the subjective obligation of the debtor and the subjective right of the creditor. To achieve this, it was necessary to study the development of domestic scientific thought on the obligation, taking into account the state of the legislation in force in the relevant period of time. The methodological basis of the study was formed by the general scientific dialectical method of cognition, universal scientific methods (systemic, functional, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction), as well as special legal methods (historical and legal method, formal-logical method of interpreting law, method of legal modeling) used both at the empirical and theoretical levels. The analysis of civilistic thought on the essence of obligation in the context of two centuries of its development made it possible to identify two main approaches to the construction of a civil-law obligation: (1) the concept of "obligation as a right to someone else's action"; (2) the concept of "obligation as a debt". In the course of the study, it was established that the dogmatic approach to the perception of obligation through the concept of "obligation as a debt", when the fulfillment of the obligation by the debtor comes to the fore, reflects the deep meaning of the specifics of the redistribution of material goods between specific persons. The authors have proven that one of the key features of such redistribution is the debtor's awareness that any debt requires its repayment (the presence of a moral obligation). This makes any obligation potentially enforceable. As a result, the authors came to the key conclusion that an obligation is a simple legal connection - a connection between a subjective obligation and the corresponding subjective right. Such a legal connection, characterizing only one specific obligation, is unique, which allows us to single out the desired obligation from the entire set of legal relations existing between subjects of civil law.

Keywords: obligation, debtor, creditor, subjective right, subjective obligation, legal connection, transfer of debt, debt forgiveness

For citation: Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2025) On the meaning of the subjective obligation of the debtor in the legal structure of a civil obligation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 237–246. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/26

Во всем многообразии гражданско-правовых отношений, несомненно, выделяются обязательства. И дело не только в том, что на них приходится значительная доля всех возникающих в частной сфере правоотношений. Через призму динамики обязательств формируется представление о действии общих законов экономики, связанных с движением стоимости и получением прибавочного продукта. И в этом смысле обязательственные отношения противопоставляются вещным, по отношению к которым они носят вторичный (производный) характер.

Формулировка п. 1 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) не позволяет раскрыть сущность обязательства как правового явления, поскольку в этой норме дефинитивного характера закреплены основные, но далеко не все признаки исследуемого понятия. В идеале содержание обязательства как категории права (т.е. знания, застывшего в норме права) не должно отличаться от содержания обязательства как правовой категории, выступающей познавательным образом соответствующего правового явления. Сложность, связанная с закреплением того или иного правового понятия в нормах права, заключается в том, что используемые для этого законодателем юридико-технические приемы не всегда позволяют отразить сущность соответствующего явления с учетом общих законов взаимодействия базиса и правовой надстройки. Поэтому при квалификации отношения, когда таковое примеряется на ту или иную закрепленную в законе конструкцию, немаловажное значение имеет уровень теоретической подготовки правоведа, осуществляющего такую квалификацию. Последний должен иметь представления о характере отношений, предопределивших формирование этой конструкции в правовой надстройке.

Вообще экономическую суть любого обязательства следует воспринимать в качестве отношения, в рамках которого происходит движение стоимости от одного лица к другому, приводящее к перераспределению между ними тех или иных материальных благ. Такое перераспределение обусловлено наличием интереса одного из участников в имущественном обогащении (в регулятивной сфере) или в восстановлении имущественного положения (в охранительной сфере), что невозможно в отсутствие активного действия со стороны другого участника, направленного на то или иное материальное благо. Действие последнего, облеченное в правовую конструкцию «объект обязательства», становится осязаемым за счет возложения на него обязанности совершить такое действие и надления его контрагента субъективным правом требовать совершения соответствующего действия. Именно поэтому лишь в отношении обязательств (в отличие от иных видов гражданско-правовых отношений) используется специальная терминология: «субъективное право имеет право требования, а обязанность – долгом;

управомоченный – кредитором, а обязанный – должником» [1. С. 7]. При этом в отсутствие активного действия обязанной стороны (действия, направленного на то или иное материальное благо) невозможно удовлетворить имущественный интерес управомоченной стороны (интерес в получении материального блага), что выдвигает на первый план в обязательственной правовой связи именно субъективную обязанность (долг), а не субъективное право (право требования). Возможно, именно по этой причине еще разработчики Проекта Гражданского Уложения 1899 г. при оформлении определения понятия обязательства оставили в нем лишь указание на то, что таковое есть *обязанность* одного лица совершить известное действие в пользу другого лица. Они не видели потребности в указании на то, что обязательство представляет собой правоотношение, «ибо если обязательство есть законная обязанность одного лица в пользу другого с соответствующим ей правом требования на стороне кредитора, то отсюда само собой следует, что оно есть юридическое отношение» [2. С. 9].

Действительно ли так важно определиться с тем, что в конструкции гражданско-правового обязательства является первичным – право требования кредитора или обязанность должника? Ведь в действительности обязательство всегда будет рассматриваться как правовая связь между субъективным правом кредитора и субъективной обязанностью должника. На что может повлиять та или иная расстановка этих элементов в данной правовой связи? Что изменится, если вместо выражения «субъективной обязанности должника соответствует субъективное право кредитора» использовать смысловую конструкцию – «субъективному праву кредитора соответствует субъектная обязанность должника»?

Как правило, правоведа редко задумываются над ответами на поставленные вопросы. А те из них, кто в принципе не исключал возможности различного оформления содержания понятия гражданско-правового обязательства (т.е. либо через право требования кредитора, либо через обязанность должника), указывают на то, что по большому счету разницы от этого никакой нет [3. С. 14]. С таким утверждением нельзя согласиться. Выбор в пользу приоритета субъективного права или субъективной обязанности в правовой конструкции обязательства имеет, на наш взгляд, принципиальное значение не только с точки зрения цивилистической доктрины, но и с позиции формирования позитивного права и правоприменительной практики.

Несмотря на то, что развитие отечественной правовой доктрины начиная со второй половины XVIII в. находилось под большим влиянием научных воззрений представителей правовых школ Западной Европы [4], отечественные цивилисты не стремились копировать иностранные правовые конструкции. Это касается

в том числе и определения обязательства, содержащегося в Проекте Гражданского Уложения 1899 г. и являющегося результатом кропотливой работы отдельных российских правоведов с учетом накопившихся к тому времени знаний об обязательстве. Так, согласно ст. 1 (Кн. 5. Т. 1) указанного проекта «обязательством именуется законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению либо несовершению иного действия в пользу другого лица». В данном определении четко просматривается подход к построению правовой конструкции обязательства через обязанность что-либо исполнить, который в свое время был заложен еще в Своде Законов Российской империи 1832 г. (Ст. 569. Т. X): «всякий договор и всякое обязательство, правильно составленные, налагают на договаривающихся обязанность их исполнить»¹. Праву требования в Своде Законов Российской империи отводилась второстепенная роль. О нем речь шла лишь в случае дефекта динамики обязательства: «Всякий договор и всякое обязательство, в случае неисполнения, производят право требовать от лица обязавшегося удовлетворения во всем, что поставлено в оных» (Ст. 570. Т. X).

Что касается отечественной цивилистической доктрины, то первые очертания того, что впоследствии будет названо обязательством, усматриваются в работе В.Г. Кукольника «Российское частное гражданское право», писавшего об обязанности, которая может возникнуть в результате совершения как позвольительных (договоров и контрактов), так и непозвольительных (преступлений и проступков) действий. Такая обязанность воспринималась им в качестве нравственной необходимости, налагаемой законом на конкретное лицо, чтобы это лицо в итоге соотносило с ним свои свободные действия [5. С. 281]. В данном подходе внимание привлекает то, что В.Г. Кукольник ведет речь о последствиях проявления тех или иных жизненных обстоятельств (договоров, контрактов, преступлений, проступков) исключительно в контексте возникновения обязанности, исполнение которой обеспечено законом. Впоследствии именно данная идея будет воспроизведена в Проекте Гражданского Уложения 1899 г., но, к сожалению, останется незамеченной большинством отечественных теоретиков гражданского права второй половины XIX – начала XX столетия.

В наиболее завершенной форме представление об обязательстве встречается в работе Д.И. Мейера. Обязательство рассматривалось им как «юридическое отношение, в котором одному лицу принадлежит право на действие другого лица» [6. С. 391]. Нетрудно заметить, что в таком подходе на первый план выдвигается право требования. Это объяснялось тем, что «лицо, которому принадлежит право на действие другого, вправе подчинять это действие своему господству, т.е. вправе требовать, чтобы действие было совершено» [6. С. 391]. Здесь явно прослеживается влияние германской исторической школы: в свое время Ф.К. Савиньи определил, что «обязательство состоит в господстве над чужим лицом, но не над всем лицом (иначе оно вело бы к уничтожению личности), а только над оди-

ночными его действиями» [7. С. 48]. Что касается учения Д.И. Мейера об обязательстве, то оно полностью пропитано представлением об обязательстве как праве на чужое действие [6. С. 411].

Аналогичный подход к пониманию существа обязательства можно встретить и в работе С.В. Пахмана «Обычное гражданское право в России» [8. С. 65], написанной им за несколько лет до начала работы над Проектом Гражданского Уложения Российской империи. Однако, в Проекте Гражданского Уложения 1899 г., как уже было отмечено, обязательство раскрывалось не за счет права требования кредитора, а за счет обязанности должника совершить определенное действие. Такой подход впоследствии был воспринят лишь И.А. Покровским, писавшим о том, что общим назначением обязательства «является установление известного отношения между двумя лицами, в силу которого одно из них (должник) делается обязанным к известному специальному поведению (действию или бездействию) по адресу другого (кредитора)» [9. С. 226]. В связи с этим любое обязательство характеризовалось И.А. Покровским как некое специальное должествование (долг). Ничего подобного мы не найдем в работах других правоведов того времени. Так, например, В.И. Синайский воспринимал обязательство как право на действие должника [10. С. 3]. Г.Ф. Шершеневич под обязательством понимал «такое юридическое отношение, из которого обнаруживается право одного лица на известное действие другого определенного лица» [11. С. 395]. И.М. Тютрюмов писал о том, что «обязательством называется юридическое отношение, в котором одной стороне (верителю или кредитору) принадлежит право требовать от другой (должника) исполнения какого-либо действия» [12. С. 222]. В качестве имущественного права обязательство воспринимал и А.М. Гуляев [13. С. 316], отмечая, что «обязательство есть связь между двумя или несколькими лицами, в силу которого одно лицо – должник – мерами юридическими принуждается к исполнению требования другого лица – верителя, кредитора» [13. С. 312].

Как видим, на начало XX столетия в цивилистической доктрине отчетливо прослеживался уклон в сторону восприятия обязательства через призму права требования кредитора (права на чужое действие). Такое единодушие в отношении существа гражданско-правового обязательства отразилось и на первой кодификации гражданского законодательства XX столетия. Разработчики проекта ГК РСФСР 1922 г. склонились в пользу концепции восприятия обязательства как права на чужое действие, что в итоге нашло отражение в норме ст. 107 ГК РСФСР 1922 г.², гласившей: «в силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности передачи вещей или уплаты денег либо воздержания от действия». Правда, с развитием цивилистического учения об обязательстве исследователи вновь стали возвращаться к уяснению существа обязательства через призму исполнения обязанности совершить определенное действие. И уже все последующие

кодификации, начиная с Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.³ и заканчивая Гражданским кодексом РФ, определяли понятие обязательства следующим образом: «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие...».

Изложенное выше позволяет выделить два основных подхода к построению гражданско-правового обязательства: (1) концепция «обязательство как право на чужое действие», в которой на первом месте в конструкции обязательства стоит право требования кредитора; (2) концепция «обязательство как долг», в рамках которой приоритет имеет обязанность должника совершить определенное действие.

Восприятие обязательства как права на чужое действие подразумевает, что воля кредитора распространяется на все это обязательство: только кредитор может решить, быть обязательству или не быть. Соответственно, обладая правом требования, кредитор выражением своей воли вовне может погасить это право требования, что одновременно приведет и к прекращению обязательства. В принципе, именно об этом говорилось на страницах юридических изданий дореволюционного периода. Так, например, А.М. Гуляев писал: «Так как всякое обязательство создает для кредитора право требования, то кредитор может распорядиться этим своим правом и в таком направлении, что отказывается от юридической возможности его осуществления» [13. С. 366]. В.И. Синайский отмечал, что отказ от обязательства может быть выражен кредитором путем его отречения от своего обязательственного права, которое не требует согласия должника [10. С. 81]. Аналогичные суждения высказывали и другие правоведы, что в то время полностью соответствовало нормативной установке статьи 1547 тома X (Кн. 4. Раздел I) Свода Законов Российской империи 1832 г. При этом некоторые правоведы при изложении своего теоретического материала дословно воспроизводили указанную норму. Так, в частности, поступил Г.Ф. Шершеневич, писавший о том, что «если сторона, имеющая по договору право требовать исполнения, отступится добровольно от своего права в целом договоре или в части, тогда действие договора в целом его составе или в части прекращается» [11. С. 444]. Кстати, именно данный нормативный подход был поддержан и разработчиками Проекта Гражданского Уложения 1899 г., определивших: «веритель вправе отказаться, полностью или в части, от принадлежащего ему требования» (Ст. 165. Кн. 5. Т. 1). Такая позиция аргументировалась следующим тезисом: «если только права третьих лиц не нарушаются сложением долга, то нет практической надобности непременно требовать, чтобы отказ верителя от требования имел обязательную силу лишь в случае принятия его должником» [2. С. 346].

Таким образом, если транслируемая большинством правоведов того времени точка зрения, допускающая возможность погашения обязательства в силу волевого (одностороннего) акта кредитора, полностью соответствовала их представлениям об обязательстве через

концепцию «обязательство как право на чужое действие», то на уровне положений Проекта Гражданского Уложения 1899 г. наблюдалось явное противоречие: допуская возможность погашения права требования в отсутствие согласия должника, разработчики проекта тем не менее однозначно закрепили приоритет обязанности должника в конструкции гражданско-правового обязательства (Ст. 1. Кн. 5. Т. 1), что соответствует концепции «обязательство как долг», с которой в принципе не согласуется идея, допускающая возможность погашения права требования кредитора без учета воли должника.

Правда, на страницах юридической литературы все-таки нашлось место обоснованию тезиса о необходимости получения согласия должника при отказе кредитора от своего права требования. Так, Д.И. Мейер, вопреки законодательному подходу того времени, определял, что одностороннее отступление верителя (отречение) имеет значение дара (веритель прощает долг), а само действие рассматривается как дарение. Необходимость получения согласия должника на прощение долга правовед объяснил очень убедительно: «насколько вообще существенно для действительности дарения принятие дара, настолько же и для прощения долга существенно согласие должника» [6. С. 669]. Таким образом, Д.И. Мейер проводил параллель между дарением и прощением долга. Через несколько десятилетий его высказывание будет материализовано в ст. 243 (Кн. 5. Т. 1) Проекта Гражданского Уложения 1899 г., предусматривающей, что дарение может заключаться в отчуждении или установлении права, в отказе от права или в принятии дарителем на себя обязательства. В этой связи не понятна позиция правоведов, которые в начале XX столетия в своих работах даже не предпринимали попыток усмотреть договорную основу в «отказе от права» («прощении долга»), равно как не понятна логика разработчиков Проекта Гражданского Уложения 1899 г., которые, с одной стороны, завели возможность отказа от права в конструкцию договора дарения (ст. 243), а с другой – допускали отказ верителя (кредитора) от права требования без согласия должника (ст. 165).

С введением в действие ГК РСФСР 1922 г. концепция «обязательство как право на чужое действие» приобрела догматический характер. При этом данный кодифицированный акт не знал такого основания прекращения обязательства, как прощение долга, а непосредственно сам договор дарения, что соответствовало общему смыслу ст. 138 ГК РСФСР 1922 г., сводился лишь к безвозмездной передаче имущества. Поэтому сам закон в то время не давал прямого ответа на вопрос о допустимости отказа от права требования, совершенного в силу одностороннего волеизъявления кредитора. Только на страницах юридических изданий можно встретить взаимоисключающие высказывания: например, если М.М. Агарков утверждал, что кредитор имеет право освободить должника от обязанности без согласия последнего [14. С. 24], то Л.А. Лунц, напротив, исключал такую возможность, утверждая, что «прекращение обязательств односторонним волеизъ-

явлением кредитора или должника вообще не допускается» [15. С. 412]. Последнее утверждение в итоге получило закрепление в рамках ст. 233 ГК РСФСР 1964 года⁴. Правда, это следует не из буквального толкования нормы указанной статьи, а выводится из ее смысла. Сама же норма предусматривала, что «обязательство прекращается соглашением сторон». К частному случаю такого соглашения в то время цивилистическая доктрина относила соглашение сторон об освобождении от долга [16. С. 425] (соглашение о сложении долга [1. С. 193; 17. С. 539]), что поставило, пусть и не жирную, но все же точку в уяснении сущности действия кредитора, направленного на отказ от права требования. На аналогичной позиции стоит и современная цивилистическая доктрина [18. С. 326; 19], основанная на толковании положений ст. 415 ГК РФ.

Правда, утверждать, что в действующем Гражданском кодексе РФ последовательно проводится концепция «обязательство как долг» не приходится. В результате совершенствования (реформирования) гражданского законодательства его содержание раздирают внутренние противоречия⁵. Примером тому служат нормы о переводе долга (ст. 391 ГК РФ): если классическая модель перевода долга, которая полностью согласуется с подходом восприятия обязательства через концепцию «обязательство как долг», предполагает соглашение первоначального должника и нового должника (для совершения которого требуется согласие кредитора), то с некоторых пор (а точнее с 1 июля 2014 г.) для замены первоначального должника новым в обязательстве, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, достаточно соглашения кредитора и нового должника. Ни о какой необходимости получения согласия первоначального должника применительно к последнему соглашению в законе речи не идет. Из смысла норм ст. 391 ГК РФ следует, что ни кредитора, ни нового должника не интересует мнение первоначального должника: вопрос несения бремени решается соглашением, но таким, в котором первоначальный должник не участвует. Естественно, возникает риторический вопрос, как законодатель в принципе допустил ситуацию, когда третье лицо (новый должник) без учета воли первоначального должника вклинивается в межсубъектную связь, в которой не принимает участие?

Данный пример приведен лишь с одной целью – показать, что обновленный Гражданский кодекс РФ содержит положения, основанные на восприятии обязательства через концепцию «обязательство как право на чужое действие». Ведь очевидно, что в приведенном примере первоначальный должник вытесняется из процесса перевода долга лишь по той причине, что кредитор рассматривается как лицо, осуществляющее полное господство над действиями первоначального должника. Однако такое недопустимо хотя бы потому, что те времена, когда это было приемлемо, уже давно прошли. И здесь нельзя оправдаться отсылкой к крылатому выражению «все новое – это хорошо забытое старое», ведь правовые нормы не возникают сами по себе, они являются отражением состояния отношений экономического базиса.

Согласимся с тем, что одна и та же правовая конструкция обязательства (но не само правовое понятие обязательства) с позиции развития правового регулирования общественных отношений может быть закреплена в правовых источниках различной периодизации действия. Так, в принципе и получилось с правовой конструкцией обязательства, закреплённой в п. 1 ст. 307 ГК РФ (когда на первый план выходит обязанность должника совершить определенное действие), если рассматривать ее применение, например, через призму кодификаций отечественного гражданского законодательства, начиная с Основ гражданского законодательства 1961 г. Однако важно понимать, что само понятие обязательства не является единым для всех времен и народов. Выступая результатом познавательной деятельности соответствующего явления реальной правовой действительности, обязательство как правовое понятие является исключительным (т.е. является таковым только «здесь и сейчас»). Правда, здесь надо сделать одну принципиальную оговорку: те особенности общественных отношений, которые оказывали влияние на формирование понятия обязательства (в качестве родового понятия), по крайней мере на протяжении последних двух столетий развития нашего государства, являются сходными – эти отношения связаны с перераспределением материальных благ между конкретными участниками гражданского оборота в условиях его нормального развития. И здесь нет места (как это было в древнем праве) восприятию обязательства, когда его содержание сводилось исключительно к установлению обязательных частных штрафов, как реакции на противоправное поведение. И, как писал И.А. Покровский, именно в таких случаях власть кредитора простиралась на личность должника [9. С. 228]. Но даже в тот момент (а он у разных народов отличается), когда обязательства из деликтной сферы получили признание в сфере регулятивной (например, в виде древнейшего римского обязательства формального займа), эти обязательства еще долго воспринимались через призму «власти кредитора над личностью должника». О таких обязательствах И.А. Покровский писал, как о примитивных обязательствах, воспринимаемых как «чисто личная связь между кредитором и должником, в силу которой последний является ответственным, “обреченным” первому» [9. С. 229], что исключало саму идею имущественного взыскания при неисправности должника. «Быть должником значило <...> быть “обреченным” власти, произволу кредитора», что, по мнению правоведа, составляло основное содержание всякого обязательства того времени [9. С. 229–230].

Только с уничтожением личной ответственности должника при его неисправности меняется сущность обязательства: «на первый план выступает имущественная сторона»; «договор делается живым фактором имущественного общения»; «личность должника исчезает за имуществом и, если еще сохраняет значение, то почти лишь как центр, вокруг которого стягивается подлежащее ответственности имущество» [9. С. 230–231]. В этих условиях, как писал И.А. Покровский, целью обязательства становится «получение известной имущественной ценности от должника, и под

влиянием этой преобладающей цели вырабатываются формы для такого имущественного взыскания» [9. С. 231], в качестве которых выступают возмещение убытков и исполнение обязательства в натуре.

Но где же та отправная точка, после которой можно судить о том, что в законодательстве утвердился подход к восприятию обязательства как имущественного отношения? Таковой с позиции формальной догматики выступает момент, когда закон признал за правом требования кредитора качество объекта, способного к обороту: в этот момент обязательство как личная связь кредитора и должника, пропитанная, как писал И.А. Покровский, «эмоциональным элементом», уступило место обязательству как имущественному отношению, в котором интерес кредитора может быть удовлетворен исключительно за счет имущественного предоставления со стороны должника. И, естественно, основным примером вовлечения права требования в гражданский оборот выступает механизм уступки права требования, который полностью очистил обязательство от личной связи двух лиц (кредитора и должника). С этого момента необходимо вести речь о восприятии обязательства через призму имущественного долга, когда исполнение последнего обеспечено ни какой-либо карательной функцией закона (в таком случае мы вновь возвращаемся в положение «личной ответственности должника»), а нравственной обязанностью должника, в основе которой лежит осознание должником недопустимости обогащения за счет своего недобросовестного, а равно неправомерного поведения.

Через данный постулат раскрывается суть концепции «обязательство как долг». При этом не следует смешивать «нравственную обязанность» и «имущественную обязанность (долг)»: если последняя составляет содержание обязательства (наряду с правом требования кредитора), то первая характеризует правовой статус лица, выступающего на стороне должника в обязательстве. У данного постулата есть и обратная сторона: должник, неся бремя нравственной обязанности, должен быть уверен в ее неприкосновенности в том смысле, что только он в пределах предоставленного ему масштаба добросовестного поведения может определять способ исполнения обязательства. Любые посягательства третьих лиц на указанный нравственный аспект исполнения обязательства недопустимы. В противном случае это приведет к уничтожению должника как субъекта гражданского права (непризнанию его правосубъектности) в рамках динамики конкретного обязательства. К сожалению, именно так поступил законодатель в рамках ст. 391 ГК РФ, допустив возможность исключения первоначального должника из динамики обязательства на основе соглашения кредитора и нового должника, реанимировав концепцию «обязательство как право на чужое действие». Однако чтобы осознать ущербность данного подхода, достаточно понять, что концепция «обязательство как право на чужое действие» в своей гипертрофированной форме выступает прообразом восприятия обязательства как «право на личность должника».

Конечно же исключение первоначального должника из динамики обязательства несопоставимо с действиями, которые мог совершить кредитор в древнем

праве (например, убить неисправного должника или продать его). Но не об этом мы хотим сказать, когда указываем на то, что законодатель использует недопустимые средства правового регулирования обязательственных отношений. В условиях цивилизованного гражданского оборота игнорирование должника как его равноправного участника, пусть даже если такое игнорирование приведет к его имущественной выгоде, вступает в противоречие с основными началами гражданского законодательства и целями правового регулирования обязательственных отношений.

Таким образом, догматический подход к восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг», отраженный в норме пункта 1 ст. 307 ГК РФ, когда на первый план выходит именно исполнение обязанности должником⁶, отражает глубокий смысл специфики перераспределения материальных благ между конкретными лицами: во-первых, в условиях нормального развития гражданского оборота стороны обязательства, учитывая законные интересы друг друга, руководствуются только тем набором стандартов добросовестного поведения, который приведет к достижению цели обязательства; во-вторых, достижение этой цели немыслимо в отсутствие необходимой имущественной составляющей на стороне должника, а значит, кредитор заинтересован не столько в личности должника, сколько в его имущественном состоянии; в-третьих, только осознание должником того, что любой долг требует его погашения (наличие нравственной обязанности), делает любое обязательство потенциально исполнимым; в-четвертых, даже в ситуации неисправности должника обязательство остается потенциально исполнимым, однако такое исполнение по причине отсутствия добросовестности на стороне должника (пренебрежения нравственной обязанностью) становится возможным в силу принуждения, носящего имущественный характер.

В обозначенной модели обязательственного правоотношения нет места личной связи кредитора и должника, что позволяет критически оценить высказанное в цивилистической доктрине суждение о том, что «в наиболее элементарном виде обязательство представляет собой правовую связь двух сторон, из которых одна наделена правом, а другая несет обязанность» [20. С. 461]⁷. Обязательство может восприниматься исключительно через призму простой правовой связи, состоящей из одной субъективной обязанности и корреспондирующей этой обязанности субъективного права. И если в этой правовой связи возникает потребность учета личности кредитора или должника, то речь, естественно, не идет о том примитивном восприятии сущности обязательства, о котором в начале прошлого столетия писал И.А. Покровский. Речь идет о частных случаях ограничения развития обязательства, когда либо субъективное право, либо субъективная обязанность имеют тесную (неразрывную) связь с личностью одной из сторон обязательства.

Так, в контексте недопустимости перехода прав к другим лицам закон выделяет случай, когда субъективное право неразрывно связано с личностью кредитора (ст. 383 ГК РФ); в контексте ограничения цессии, когда

таковая допускается лишь с согласия должника, закон выделяет случай, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника (п. 2 ст. 388 ГК РФ). В каждом из этих случаев речь идет об обязанности, исполнение которой предназначено исключительно для конкретного кредитора. Заметим, что подобная связь (связь между субъективной обязанностью и личностью кредитора) имеет значение не только в механизме перемены лиц в обязательстве на стороне кредитора, но и в механизме прекращения обязательства (ст. 418 ГК РФ), когда такое обязательство неразрывно связано с личностью кредитора (в частности, когда исполнение предназначено лично для кредитора). Наличие такой связи погашает обязательство в случае смерти кредитора-гражданина, равно как погашает обязательство и смерть должника-гражданина в случае неразрывной связи обязательства с личностью должника (в частности, когда исполнение обязанности не может быть произведено без его личного участия). Все обозначенные случаи объединяет одно – они раскрывают суть обязательства строго личного характера (строго личного обязательства). При этом правовая конструкция строго личного обязательства несколько не подрывает состоятельность концепции «обязательство как долг», а, напротив, отражает одну из сторон ее проявления, оставляя неизменной идею о первичности субъективной обязанности в структуре обязательственной правовой связи.

Примеров правовых моделей и механизмов, которые наглядно демонстрируют реализацию концепции «обязательство как долг» на уровне позитивного права, немало. И в первую очередь это касается положений об исполнении обязательства (глава 22 ГК РФ), что позволяет сделать еще один немаловажный вывод: реализация принципа надлежащего исполнения обязательства через все его элементы стала возможной исключительно благодаря восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг», что, в свою очередь, позволило сформировать цельную модель масштаба добросовестного поведения должника в динамике обязательства. Так, например, в отношении обязательства, срок исполнения которого не определен (пункт 2 ст. 314 ГК РФ), в ситуации, когда кредитор в разумный срок не предъявляет требований об исполнении обязательства, должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение. Данный пример наглядно иллюстрирует применение одного из стандартов добросовестного поведения должника – совершение действия, направленного на надлежащее исполнение обязательства (исполнение обязанности).

Итак, обязательство всегда представляет собой простую правовую связь – связь субъективной обязанности и соответствующего ей субъективного права. Такая правовая связь, характеризуя только одно конкретное обязательство, уникальна, что позволяет из всей совокупности существующих между субъектами гражданского права правоотношений выделить искомое обязательство. У этого тезиса есть практическое значение: с прекращением субъективной обязанности прекращается и субъективное право (равно как и наоборот), что навсегда погашает обязательство. При этом

стороны конкретного обязательства одновременно могут состоять и в других обязательственных правоотношениях как с другими субъектами гражданского права, так и между собой. Более того, кредитор и должник в рамках одного обязательства могут оставаться в этом же статусе в рамках другого обязательства. Некоторые из таких обязательств могут возникать из одного договора. Это означает, что правовая связь между субъектами гражданского права (межсубъектная связь) обеспечивается не возникшим правоотношением, а наличием различного рода юридических фактов (в первую очередь договоров), что не противоречит общему подходу к пониманию гражданского правоотношения как правоотношения, возникающего между субъектами гражданского права по поводу различного рода благ.

Обозначенный выше тезис о том, что обязательство есть простая правовая связь, следует воспринимать в качестве догмы, не знающей исключений. Это означает, что обязательственная правовая связь не может быть сложной, когда содержание обязательства составляли бы взаимные права и обязанности его сторон. Тем не менее именно данная точка зрения продвигалась отдельными правоведами в разные периоды развития отечественной цивилистической науки. Так, например, В.С. Толстой, анализируя дефинитивную норму ст. 33 Основ гражданского законодательства 1961 г., указывал на то, что она до предела ограничивает содержание обязательства, упоминая лишь о праве и обязанности в единственном числе [22. С. 8]. По его мнению, такой подход к пониманию обязательства является несостоятельным, поскольку в подавляющем большинстве случаев обязательство выступает примером сложного правоотношения, содержание которого составляют несколько обязанностей с соответствующими правомочиями [22. С. 8–10]. И если в этом утверждении еще не совсем понятно, закрепляются ли данные правомочия (а равно обязанности) за одной из сторон обязательства или одновременно за обеими сторонами, то все становится яснее, когда В.С. Толстой предпринимает попытку разграничения обязательств по критерию их содержания, выделяя односторонние и взаимные обязательства [22. С. 179]. Последние, видимо, и выступают примером сложного правоотношения. Правда, никакой общей логики выделения конструкции взаимного обязательства мы в работе В.С. Толстого так и не нашли. Например, в одном случае он признает за обязательством качество сложного (взаимного) правоотношения лишь потому, что закон (ст. 44 ОГЗ 1961 г.) «передачу продукции, принятие и оплату ее называет обязанностями сторон, заключившими договор поставки», а значит обязательство – это весь комплекс перечисленных прав и обязанностей [22. С. 8]. В другом случае он усматривает свойство взаимности в обязательстве, в котором исполнение обязанности поставить товар покупателю зависит от предоставления последним необходимой разрядки [22. С. 181]. В третьем – обязательство становится взаимным лишь по причине того, что если существует обязанность передать вещь, то значит есть обязанность ее принять [22. С. 184]. Однако,

на наш взгляд, положения ст. 44 ОГЗ 1961 г. следовало толковать во взаимосвязи со ст. 33 ОГЗ 1961 г., а значит, необходимо было выделять не одно, а два обязательства (обязательство по передаче продукции и обязательство по ее плате); действие по предоставлению необходимой разрядки следовало воспринимать в качестве условия исполнения обязанности поставить товар; что касается обязанности принять товар, то такая характеристика не содержание обязательства, а правовой статус приобретателя вещи как добросовестного субъекта.

Каким бы противоречивым не выглядел подход В.С. Толстого (прежде всего с точки зрения формальной догматики), после введения в действие Основ гражданского законодательства 1961 г. он стал транслироваться целым рядом ведущих на тот момент времени правоведов [1. С. 13; 23. С. 156], и это несмотря на то, что их предшественники (М.М. Агарков, И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц), разработавшие авторские учения об обязательстве в период действия ГК РСФСР 1922 г., придерживались понимания обязательства как правоотношения, содержание которого составляет одно субъективное право и одна субъективная обязанность. А вот непосредственно зачатки восприятия обязательства как сложной правовой связи впервые обнаруживаются в учебнике Д.И. Мейера «Русское гражданское право», где он помимо односторонних обязательств выделил и взаимные, т.е. такие, «в которых каждая из участвующих сторон обязывается совершить в пользу другой какое-либо действие» [6. С. 392]. Справедливости ради заметим, что в то время предложенный Д.И. Мейером подход полностью соотносился с законом, который не различал договор и обязательство: согласно ст. 569 тома X Свода Законов Российской империи 1832 г. «всякий договор и всякое обязательство, правильно составленные, налагают на договаривающихся обязанность их исполнить». Поэтому говорить о том, что сформированный в период действия Основ гражданского законодательства 1961 г. доктринальный подход к возможности выделения правовой конструкции взаимного обязательства выступает примером преемственности во взглядах на правовую природу обязательства, не приходится. Более того, утверждать о том, что во второй половине XIX столетия в принципе сформировалось хоть какое-то полное учение об обязательстве, было бы большим преувеличением. Учебник Д.И. Мейера – это полноценный труд, в рамках которого впервые системно излагались вопросы гражданского права, в том числе те, которые затрагивали общее учение об обязательстве. И здесь

ключевое слово «впервые». Правда, следует признать, что с точки зрения полноты и достоверности изложения этих вопросов работа Д.И. Мейера, на наш взгляд, не нашла себе достойного конкурента среди учебников, написанных правоведами во второй половине XIX – начала XX столетия, что, естественно, не скажешь о работах советского периода, авторы которых шагнули далеко вперед, создав солидный научный фундамент для познания обязательства как правового явления. Непонятна лишь причина, по которой советские правоведы (а ныне и современные цивилисты [24. С. 417; 25. С. 317]) отклонились от подхода к восприятию обязательства как простой правовой связи.

В дефинитивной норме пункта 1 ст. 307 ГК РФ закреплены существенные признаки понятия обязательства, которых вполне достаточно для того, чтобы не говорить об обязательстве как о некоей общей правовой модели, рамки которой можно раздвигать до пределов сложной правовой связи (связи, включающей взаимные права и обязанности), которую усматривают в большинстве возмездных договоров⁸. Однако, когда мы говорим о взаимных правах и обязанностях в рамках одного договора (что позволяет вести речь о восприятии договора в качестве двустороннего), это означает лишь одно – договор порождает два взаимных обязательства, каждое из которых с точки зрения оценки правовой связи всегда будет простым правоотношением. Именно так воспринимали обязательство правоведы, принимавшие участие в разработке проекта части I Гражданского кодекса Российской Федерации [26. С. 319]. Что касается таких понятий, как «одностороннее обязательство», «двустороннее обязательство», «взаимное обязательство», то таких понятий в гражданском праве в принципе не существует. Их формирование основано на ложном представлении об обязательстве, искажении сущности имущественных отношений по перераспределению материальных благ между их участниками.

Восприятие обязательства как простой правовой связи, в рамках которой первостепенное значение придается обязанности должника, исполнение которой связано с движением материальных благ от должника к кредитору (что позволяет удовлетворить имущественный интерес последнего), устанавливает такой барьер доктринального характера, который оставляет в стороне всевозможные ложные интерпретации сущности обязательства. И это касается не только попыток подвести обязательство под модель сложного правоотношения, но и попыток обосновать существование обязательств неимущественного характера и обязательств, направленных на воздержание от совершения определенного действия.

Примечания

¹ См.: Свод Законов Российской Империи. Том X. Часть 1. Свод Законов Гражданских. Книга 2. Раздел II (издание 1900 г.). URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/62.html#img63> (дата обращения: 09.03.2025).

² Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁵ Положения закона, построенные на разных концепциях понимания обязательства, принципиально по-разному регулируют одни и те же отношения.

⁶ Ф.К. Савинь писал: «сущностью всего обязательства должна считаться деятельность должника, деятельность же верителя – только второстепенною» [7. С. 48]. Правда, данное суждение никак не приблизило его к восприятию обязательства через концепцию «обязательство как долг». Ф.К. Савинь выступал ярким сторонником концепции «обязательство как право на чужое действие».

⁷ Аналогичное мнение транслировалось и в дореволюционной отечественной литературе. Так, например, А.М. Гуляев в 1913 г. писал: «обязательство есть юридическая связь по крайней мере двух субъектов» [13. С. 321]. Подобное восприятие обязательства объясняется тем, что А.М. Гуляев воспринимал субъективное право кредитора исключительно в качестве личного права [13. С. 313]. Правда, такой подход не является «достоинством» отечественной цивилистической науки. На этом подходе построено восприятие обязательства по гражданскому праву Франции. Так, в частности, Е. Годэмэ писал: «Личное право <...> есть право требовать от определенного лица предоставления, действия или воздержания». Это, в свою очередь, позволило ему говорить об обязательстве исключительно как о личной связи двух лиц [21. С. 14, 22].

⁸ В качестве примера чаще всего приводят договор купли-продажи, порождающий, как считают, одно сложное (двустороннее) обязательство, каждая из сторон которого имеет как право требования, так и несет определенную обязанность. Если такой подход признать достоверным, то реализация его не должна давать сбой при решении любого вопроса в динамике обязательства. Однако конструкция сложного обязательства не способна дать ответы на элементарные вопросы юридико-формального характера. В частности, когда такое обязательство следует считать исполненным? В какой ситуации следует говорить о том, что обязательство не исполнено либо исполнено ненадлежащим образом? Подобных вопросов можно формулировать сколько угодно и понятно, что концепция «расщепления правовой связи в обязательстве на простую и сложную» при решении данных вопросов беспомощна.

Список источников

1. Иоффе О.С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975. 880 с.
2. Гражданское уложение. Кн. 5, т. 1: Обязательства: с объяснениями: Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. СПб., 1899. 618 с.
3. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань : Тип. Императорского Университета, 1893. 244 с.
5. Кукольник В.Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1. СПб. : Тип. Департамента внешней торговли, 1815. 400 с.
6. Мейер Д.И. Русское гражданское право / под ред. А.И. Вицына. 3-е изд., испр. СПб. : Издание Николая Тиблена, 1864. 780 с.
7. Савиньи Ф.К. Обязательственное право / предисл. В.Ф. Попондопуло; пер. с нем. В. Фукса, Н. Мандро. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 576 с.
8. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. 463 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград : Изд. Юридического книжного склада «Право», 1917. 328 с.
10. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II. Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев : Тип. Р.К. Лубковскаго, 1915. 451 с.
11. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. 832 с.
12. Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1922. 543 с.
13. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего сената и Проекта гражданского уложения : пособие к лекциям. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 638 с.
14. Агарков М.М. Перевод долга // Право и жизнь : журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. А.М. Винавера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина. Кн. 3. М. : Право и Жизнь, 1923. С. 23–34.
15. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 417 с.
16. Гражданский кодекс РСФСР : учеб.-практ. пособие. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. 431 с.
17. Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М. : Юрид. лит., 1979. 552 с.
18. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. М. : Статут, 2016. 336 с.
19. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015. 288 с.
20. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 544 с.
21. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с фр. И.Б. Новицкого. М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 511 с.
22. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М. : Юрид. лит., 1973. 208 с.
23. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / под ред. С.Н. Братуся, Е.А. Флейшица. М. : Юрид. лит., 1962. 419 с.
24. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М. : ТЕИС, 1996. 552 с.
25. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под. общ. ред. Т.И. Илларионовой., Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М. : НОРМА; ИНФРА-М, 1998. 464 с.
26. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : Редакция журнала «Хозяйство и право»; Фирма «СПАРК», 1995. 597 с.

References

1. Ioffe, O.S. (1975) *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Moscow: Yurid. lit.
2. Russian Empire. (1899) *Civil Code*. Book 5, Vol. 1. Draft of the Imperially Established Editorial Commission for the Compilation of the Civil Code. Saint Petersburg. (In Russian).
3. Agarkov, M.M. (1940) *Obyazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu* [Obligations under Soviet Civil Law]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
4. Shershenevich, G.F. (1893) *Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [The Science of Civil Law in Russia]. Kazan: Tip. Imperatorskogo Universiteta.
5. Kukul'nik, V.G. (1815) *Rossiyskoe chastnoe grazhdanskoe pravo* [Russian Private Civil Law]. Part 1. Saint Petersburg: Tip. Departamenta vneshney trgovli.
6. Meyer, D.I. (1864) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. 3rd ed. Saint Petersburg: Izdanie Nikolaya Tiblena.
7. Savigny, F.K. (2004) *Obyazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligations]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr Press.
8. Pakhman, S.V. (1877) *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: yuridicheskie ocherki* [Customary Civil Law in Russia: Legal Essays]. Vol. 1. Saint Petersburg.
9. Pokrovskiy, I.A. (1917) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Fundamental Problems of Civil Law]. Petrograd: Izd. Yuridicheskogo knizhnogo sklada "Pravo".
10. Sinayskiy, V.I. (1915) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Issue II. Kyiv: Tip. R.K. Lubkovskago.
11. Shershenevich, G.F. (2017) *Izbrannoe. T. 5: uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Selected Works. Vol. 5: Textbook of Russian Civil Law]. Introductory word, comp. by P.V. Krashenninikov. Moscow: Statut.
12. Tyutyryumov, I.M. (1922) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Yur'ev: Tip. K. Mattisena.
13. Gulyaev, A.M. (1913) *Russkoe grazhdanskoe pravo: obzor deystvuyushchego zakonodatel'stva, kassatsionnoy praktiki Pravitel'stvuyushchego senata i Proekta grazhdanskogo ulozheniya : posobie k lektiyam* [Russian Civil Law: Review of Current Legislation, Cassation Practice of the Governing Senate and the Draft Civil Code: A Lecture Aid]. 4th ed. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.

14. Agarkov, M.M. (1923) *Perevod dolga* [Assignment of Debt]. In: *Pravo i zhizn' : zhurnal, posvyashchenny voprosam prava i ekonomicheskogo stroitel'stva* [Law and Life: A Journal Devoted to Issues of Law and Economic Development]. Book 3. Moscow: Pravo i Zhizn'. pp. 23–34.
15. Novitskiy, I.B. & Lunts, L.A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General Doctrine of Obligation]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
16. Krasavchikov, O.A. (ed.) (1965) *Civil Code of the RSFSR: Educational and Practical Guide*. Part 1. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. Izd-vo. (In Russian).
17. Gribanov, V.P. & Korneev, S.M. (eds) (1979) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Soviet Civil Law: Textbook]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
18. Sarbash, S.V. (2016) *Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv : ucheb. posobie* [Elementary Dogmatics of Obligations: Textbook]. Moscow: Statut.
19. Khokhlov, V.A. (2015) *Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh : ucheb. posobie* [General Provisions on Obligations: Textbook]. Moscow: Statut.
20. Krasavchikov, O.A. (ed.) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t.* [Soviet Civil Law: Textbook: in 2 vols]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
21. Godéme, E. (1948) *Obshchaya teoriya obyazatel'stv* [General Theory of Obligations]. Trans. from French by I.B. Novitskiy. Moscow: Yurid. izd-vo Ministerstva yustitsii SSSR.
22. Tolstoy, V.S. (1973) *Ispolnenie obyazatel'stv* [Performance of Obligations]. Moscow: Yurid. lit.
23. Bratus', S.N. & Fleishits, E.A. (eds) (1962) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Osnovam grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuzu SSR i soyuznykh respublik* [Scientific and Practical Commentary on the Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the Union Republics]. Moscow: Yurid. lit.
24. Tolstoy, Yu.K. & Sergeev, A.P. (eds) (1996) *Grazhdanskoe pravo : uchebnik* [Civil Law: Textbook]. Part 1. Moscow: TEIS.
25. Illarionova, T.I., Gongalo, B.M. & Pletnev, V.A. (eds) (1998) *Grazhdanskoe pravo : uchebnik* [Civil Law: Textbook]. Part 1. Moscow: NORMA; INFRA-M.
26. Russian Federation. (1995) *Kommentariy chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on Part One of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Redaktsiya zhurnala "Khozyaystvo i pravo"; Firma "SPARK".

Информация об авторах:

Соломин С.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИИ России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sksolomin@mail.ru

Соломина Н.Г. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИИ России (Новокузнецк, Россия). E-mail: ngsolomina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Solomin, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sksolomin@mail.ru

N.G. Solomina, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ngsolomina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2025;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 12.05.2025;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.*